

DOI 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-57-68
УДК 323.1+94(47)

Татьяна Борисовна Уварова

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Москва, Российская Федерация
E-mail: ethn.uvarova.tb@inbox.ru

Между двумя империями: нерчинские тунгусы князей Гантимуровых

АННОТАЦИЯ. Прослеживается историческое развитие на протяжении нескольких веков (с середины XVII — до начала XXI в.) одного из небольших этнополитических образований — «тунгусов князя Гантимура» — в регионе российско-китайского пограничья в Восточном Забайкалье. Приписанная по уплате ясака к Нерчинскому острогу группа включала генеалогические образования разного этнического происхождения. В разделе «Автономия (до)имперского периода» характеризуется политика административной, конфессиональной, культурной интеграции коренного населения края в общий контекст российского государства. В разделе «Смена идентичности в условиях советского равноправия» рассматриваются изменения этнического самосознания на территории расселения потомков нерчинских инородцев в советский период. В разделе «Нерчинские хамниганы в Эвенкийском автономном районе КНР» по данным новейших социолингвистических материалов (рубеж XX–XXI вв.) реконструируются основные этапы этнической истории нерчинских тунгусов, бежавших в Китай в 1920–1930-е годы от тягот Гражданской войны и коллективизации. Более известные на новом месте проживания как хамниганы, они восстановили прежнюю культуру, включая язык, обычаи, память о принадлежности к той или иной генеалогической общности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нерчинские эвенки, дворяне Гантимуровы, российско-китайское пограничье, Урульгинская дума, забайкальские хамниганы, идентичность коренного населения, имперское сознание

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Уварова Т. Б. Между двумя империями: нерчинские тунгусы князей Гантимуровых. *Кунсткамера*. 2022. 2(16): 57–68. doi 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-57-68

Tatiana Uvarova

The Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
E-mail: ethn.uvarova.tb@inbox.ru

Between Two Empires: The Tunguses of the Gantimurov Princely Family

ABSTRACT. The article is devoted to the tracing of the historical development during several centuries — from the middle of the 17th till the beginning of the 21st century — of a small ethno-political community “the Tunguses of the Gantimurov Princely Family”, settled at the Russia-China Borderland in Transbaikalia. They were also called Nerchinsk Tunguses and included genealogical units of different ethnic origin. In the section “Autonomy of the (pre) Imperial Period” the policy of administrative, confessional and cultural integration of the indigenous population of the region into the Russian state is characterized. In the section “Change of indigenous identity in the context of Soviet equality” the new forms of self-consciousness and main reasons for that process are analysed. In the section “Nerchinsk Khamnigans in the Evenki Autonomous Banner (China)” revitalization of nomadic way of life, including herding, native language, cultural traditions and genealogical units is characterized.

KEYWORDS: Nerchinsk evenkis, Gantimurov Princely Family, Russia-China Borderland, Urulga Steppe Duma, Transbaikalia, indigenous identity, imperial consciousness

FOR CITATION: Uvarova T. Between Two Empires: The Tunguses of the Gantimurov Princely Family. *Kunstkamera*. 2022. 2(16): 57–68. (In Russian). doi 10.31250/2618-8619-2022-2(16)-57-68

В мировой историографии имперские исследования вплоть до начала XXI в. фокусировались преимущественно на политических аспектах, среди которых особое место занимали проблемы военного взаимодействия центра и периферии, функционирования органов власти и формирования элит, межимперского соперничества. Не была обойдена стороной и идеологическая составляющая имперской истории, в рамках которой исследователи разных стран изучали имперские идеологии, цивилизаторскую миссию, образ Другого. Вместе с тем ощущается недостаток работ, посвященных изучению долговременных этносоциальных и этнокультурных процессов в имперских регионах с автохтонным населением, изменению идентичности этнических массивов, а также развитию взаимодействия приграничных районов империй по обе стороны разделяющей их границы. К числу таких территорий относится и российско-китайское пограничье в Восточном Забайкалье.

АВТОНОМНОСТЬ (ДО) ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА

Южные районы Прибайкалья и Забайкалья были освоены эвенками задолго до проникновения на эти территории русских землепроходцев в первой половине XVII в. В отличие от оленеводов тайги, эвенки-степняки, как и их монголоязычные соседи — собственно монголы и буряты — занимались коневодством и другими видами скотоводства. За одной из таких групп южных эвенков, расселившейся на территории, которая вошла в образованный в 1656 г. Нерчинский уезд, традиционно закрепилось название «нерчинские тунгусы». К ним относились и тунгусы князя Гантимура. Они «выбежали из Китая в подданство белого царя» и начали платить ясак с 1651 г. в Нерчинском остроге. Старый князь Гантимур с сыном Катанаем отправился в Москву, чтобы лично присягнуть российскому царю и принять крещение. «Восприемником» — крестным отцом — Гантимуровых, получивших в крещении имена Петр и Павел, стал малолетний царевич Петр Алексеевич, будущий император всероссийский (Соломин 2013: 16–18).

Поездка в Москву, поражая воображение современников дальностью и длительностью, тем не менее соответствовала готовности к тяготам кочевого быта служилых людей того времени: расстояние между северорусскими городами и деревнями и северным побережьем Тихого океана, как известно, не по одному разу преодолевали и русские казаки-первопроходцы. Но «служебная поездка» Гантимуровых включала и особые составляющие «антропологии движения» той эпохи. Посещение двора верховного правителя-сюзерена для принесения присяги и установления вассальных отношений с «северными варварами» было знакомо Гантимуровым как часть управленческой практики и «Богдойского царя». Расторжение прежней присяги и принятие новой уже как подданного «русского царя» было важным ритуалом, включавшим и признание нового божества — принятие христианского крещения — взамен на получение высокого статуса нового подданного.

Обязательства в силу стечения исторических обстоятельств в полной мере оказались выполненными и потомками Петра I: включенные в 1685 г. в состав российского дворянства по наиболее привилегированному «московскому списку» столбцов «Бархатной книги», представители семьи Гантимуровых наследственно занимали важные административные должности в своих «породных» землях вплоть до крушения Российской империи. Так, с 1751 г. они стали «начальниками тунгусских родов», а в 1763 г. Первая ясачная комиссия официально санкционировала признание у нерчинских тунгусов Урульгинского и Курлыченского сугланов — традиционных институтов, представлявших собой специальные собрания в особо назначенных местах для уплаты ясака, производства суда и решения других важных вопросов (Сведения о выборе сугланного места 1751–1779).

С принятием в 1822 г. «Устава об управлении инородцев в Сибири» вводились общие основания для унификации организационных форм и административных функций органов управления коренным населением края. Согласно «Уставу», нерчинские тунгусы были отнесены к разряду «кочевых инородцев». Это сословие юридически приравнивалось к крестьянам, но имело особое родовое управление с выборными должностными лицами. У нерчинских тунгусов таким управ-

лением стала Урульгинская степная дума. Свое название Урульгинская дума получила от селения Урульга, «столицы» Гантимуровых (расположена между Читой и Нерчинском, а с постройкой Транссибирской железнодорожной магистрали стала одной из станций).

Урульгинская степная дума подразделялась на шесть родовых управ, каждая из которых возглавляла отдельную территориальную группу нерчинских тунгусов. Земельные угодья Кужертаевской и Онгоцонской тунгусских управ, располагавшиеся на границе с Монголией, непосредственно примыкали к землям бурятской Агинской степной думы. Урульгинская, Оловская, Маньковская и Шундуинская управы граничили и с Агинскими степями, и с территориями, населенными русскими крестьянами и казаками.

Низовыми административными звеньями в степных думах были родовые управления, каждое из которых ведало отдельным родом. Формирование так называемых административных родов у нерчинских тунгусов началось еще до учреждения в 1824 г. Урульгинской степной думы. Этот процесс длился на протяжении почти столетия: с 70-х годов XVIII в. по 70-е годы XIX в. Он осуществлялся в различных формах, основными из которых было разделение традиционных генеалогических общностей или, напротив, объединение нескольких групп, относившихся к разным родам. Так, Мальцевский, Нироновский и Сухановский административные роды созданы на основе первых «земледельческих обществ» нерчинских тунгусов, принявших крещение и перешедших к оседлому образу жизни, независимо от их прежней родовой принадлежности.

Дума до прекращения своего существования в начале XX в. неизменно возглавлялась представителями семейства Гантимуровых, сохранявших принадлежность к дворянскому сословию до 1917 г. В 1902–1904 гг. Урульгинская степная дума с ее родовыми управами и административными родами согласно Временному положению «Об устройстве общественного управления и суда кочевых инородцев Забайкальской области», утвержденному 23 апреля 1901 г. (РГИА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 8), была заменена органами волостного управления, полностью аналогичными тем, что были у русского крестьянского населения края. Таким образом, включение группы нерчинских тунгусов в политико-административную систему российского государства представляло собой целый ряд последовательно сменявшихся управленческо-организационных форм, от характеризовавшихся традиционностью и автономностью (сугланы, степная дума) до полностью унифицированных с волостями и сельскими обществами русских крестьян.

Этнокультурное развитие нерчинских тунгусов в XIX в. проявилось в глубоких изменениях наиболее значимых для любой этнической общности повседневных сфер жизнедеятельности — производственной и бытовой. Их основными хозяйственными занятиями в этот период продолжали оставаться издавна традиционные для Восточного Забайкалья скотоводство и охота. Вместе с тем быстрыми темпами шло освоение нового для этого региона занятия — земледелия, первые упоминания о котором в данной группе относятся к концу XVIII в. Возникнув и распространившись под влиянием русского крестьянского хозяйства, хлебопашество у тунгусов с точки зрения основных агротехнических характеристик совершенно от него не отличалось (Бураева 2000: 83).

В конце XIX в. соотношение кочевого и оседлого населения еще более изменилось в пользу последнего. Тенденция оседания наиболее полно реализовалась в Оловской и Маньковской управах: процент оседлого населения от общей численности достигал соответственно 94 и 82 %. В Урульгинской и Шундуинской управах около трети населения продолжало по-прежнему оставаться кочевым, в Кужертаевской и Онгоцонской управах, граничивших с Монголией, кочевники составляли подавляющее большинство (Уварова 2005: 88). Здесь вместе с тем сохранялись и традиционные генеалогические представления в форме сохранения памяти о родовой принадлежности. На протяжении всего XIX в. они имели важное значение в сфере семейно-брачных отношений, проявляясь в родовой экзогамии, семейной обрядности, отправлении религиозных культов. Эта память была и одним из уровней, видимо первичным, этносоциальной идентичности, служившей основой личного самоопределения в менявшемся социально-культурном контексте региона.

Историко-лингвистическое исследование такой формы идентичности проведено в работе доктора филологических наук, преподавателя Забайкальского государственного университета Р. Г. Жамсарановой. Книга состоит из двух глав — «Описание Урульгинской степной думы» и «Генонимы тунгусских родов князя Гантимурова», в которых приведены уникальные по разнообразию и полноте документальные материалы из фондов регионального Государственного архива Читинской области (ГАЧО), в настоящее время область входит в Забайкальский край. Исследовательницей использованы также полевые данные, собранные в 2004–2010 гг. в экспедиционных поездках по регионам, население которых еще сохраняло память о «тунгусской инородческой принадлежности» своих предков.

Архивные материалы ГАЧО, отобранные для историко-культурной характеристики различных сторон жизни тунгусского населения Нерчинского уезда, в первую очередь иллюстрируют процесс русификации тунгусов, смены антропонимов, языкового сознания и образа жизни. Документы позволяют детально проследить процесс «планомерного обращения тунгусского населения в население, исповедующее православную веру, т. е. старожильческое русскоязычное население Забайкалья. В результате христианизации произошла смена прежней “тунгусской” антропонимии на русскую антропонимию, что неизбежно повлекло за собой и смену языкового сознания» (Жамсаранова 2018: 6–7). Однако заключение исследовательницы кажется не столь очевидным, если учесть, что у коренного населения не только Забайкалья, но и других регионов Сибири длительное время сосуществовали «параллельные» системы именования прежними именами и новыми «крестильными», наличие которых не приводило автоматически к русификации.

Характеризуя степные думы как административные единицы государственного управления кочевыми коренными народами Сибири, исследовательница не может не признавать, что «царское правительство, осознавая необходимость опоры на родоплеменную знать инородцев Сибири, не стремилось разрушить традиционную систему управления родовым или племенным сообществом, наоборот, пыталось приспособиться к принятой системе администрирования. Изменялась структура управления органами самоуправления сверху» (Жамсаранова 2018: 14). Это обстоятельство также не вписывается в политику прямолинейной русификации, тем более что степные думы сохранялись практически до начала XX в.

Более того, русское старожильческое население, т. е. прибывшее в Сибирь в XVII–XVIII вв., в своем взаимодействии с коренным населением зачастую не только перенимало особенности его хозяйственного и бытового уклада, но и в силу абсолютного преобладания мужчин вступало в брачные связи с женщинами коренных народов, что отразилось и на антропологическом облике сибирских русских. Существовало даже особое название — карым — для обозначения потомков межэтнических браков, имевших монголоидные особенности внешности (Бураева 2016: 63).

Подробно описывая структуру Урульгинской думы, исследовательница подчеркивает хозяйственно-культурное сходство тунгусов князей Гантимуровых, игравших роль ее наследственных начальников с момента учреждения в 1824 г. до реорганизации в 1901 г., не с оленными ороченами, а с монголоязычными степными скотоводами региона — бурятами и собственно монголами. Эта особенность зафиксирована еще в одном именовании «тунгусского» населения Даурии — нерчинские конные тунгусы, хотя таежные эвенки-оленеводы также проживали на севере края.

Сложный этнический состав населения сообщества Урульгинской думы Жамсаранова исследует на основании подробного анализа генонимов сорока трех родов, входивших в состав всех шести родовых управ административного образования, существовавшего на протяжении почти восьмидесяти лет. Примененный лингвистический анализ родовых названий позволяет выявить не только тунгусо-маньчжурскую этноязыковую принадлежность жителей исследованного региона, но и наличие в их составе иных этнических составляющих, носителей языков как алтайской языковой семьи (монголы, буряты), так и уральской языковой общности (самодийцы, возможно угры).

Анализ отантропонимных ойконимов Забайкалья в более поздних исследованных архивных документах позволяет предположить, что «крещенные тунгусы, получившие уже русские фамилии, продолжали жить (в тех же поселениях. — *Т. У.*), конечно, уже не родовыми сообществами, а большими семьями. Эти большие семьи, согласно документам, состояли из братьев с одним общим предком по мужской линии, и поэтому все члены этой большой семьи имели одну и ту же фамилию» (Жамсаранова 2018: 239).

Важным достоинством выполненной работы по сбору материала, его историческому, лингвистическому и кросс-культурному этнологическому анализу является его междисциплинарность, обеспеченная характером материала и широтой методологического подхода. Р. Г. Жамсаранова использовала последние работы по широкому кругу смежной проблематики, в первую очередь из региональных сибирских научных центров. Дополненная данными коллег из Казани, Москвы, Санкт-Петербурга работа служит перспективной основой для конкретизации процессов межэтнических историко-культурных взаимодействий российско-китайского пограничья.

СМЕНА ИДЕНТИЧНОСТИ КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ В УСЛОВИЯХ СОВЕТСКОГО РАВНОПРАВИЯ

Важным источником для данного раздела статьи стали полевые материалы автора, собранные во второй половине 1970-х годов. Маршруты планировались таким образом, чтобы ими были охвачены районы с различными в прошлом (по свидетельствам архивных источников) этнокультурными ситуациями на территории Урульгинской степной думы. Так, для сел Бургень, Нижне-Гирюнинское, Маньково было характерно раннее оседание и обрусение нерчинских тунгусов; для другой группы населенных пунктов — длительное и устойчивое сосуществование кочевого и оседлого тунгусского населения; еще один район был местом постоянных контактов с бурятами (ПМА 1976; 1978; 1979).

Динамика этнополитического развития пограничья Юго-Восточного Забайкалья и результаты развернувшихся в крае этносоциальных и этнокультурных процессов отразились в представлениях нерчинских эвенков об этнической принадлежности, что нашло проявление и в использовании многочисленных этнонимов различных уровней. В конце XIX — начале XX в. одним из наиболее распространенных названий в литературе, да и самоназванием оседлого населения Урульгинской степной думы стало «инородцы». Местными жителями оно воспринималось как обозначение одной из сословных групп, как, например, «казаки» или «крестьяне» русского населения края, хотя и связанной по своему происхождению с «коренным, здешним народом» — тунгусами. Помимо данного этнонима в начале XX в., согласно полевым данным С. М. Широкогорова, использовались также самоназвания эвенки и хамниганы (Широкогородов 2017: 112–114).

Тунгусами оседлое земледельческое население (и русские крестьяне, и оседлые урульгинские инородцы Оловской, Маньковской, Урульгинской управ) называли кочевников-скотоводов Онгоцонской и Кужертаевской управ, именовавших себя эвенками и хамниганами. Так называли эту часть урульгинских тунгусов, подчеркивая их сходство с монголами, и буряты-агинцы.

В использовании этого этнонима в конце XIX — начале XX в. произошли значительные изменения. На территории бывших Урульгинской и Маньковской управ, судя по сообщениям информантов, он был неизвестен русскому населению, утрачен эвенками, перешедшими к оседлому образу жизни, и сохранился как самоназвание лишь в некоторых кочевых группах, имевших постоянные контакты с бурятским населением. У шилкинских и талачинских эвенков сс. Делюн, Нижний Стан, Верхняя Хи́ла, Вершино-Дарасун (Шилковского района), Средняя-, Нижняя-, Нарын-Талача (Карымского района) два названия довольно причудливо были объединены в одном — «тунгус из рода хамниганов». «Они говорили по-эвенкийски, но вместе с тем хорошо понимали бурятский язык. Степные буряты, которые жили рядом, считали хамниган своим народом, эвенки — тоже своим. На обоих языках хамниган значит “лесной человек”» (ПМА 1976,

Намоконов С. Д., 1900 г. р., эвенк, с. Делюн). «Мы, тунгусы, хамниганы и есть. Старики разговаривали по-орочонски, а мы говорим по-бурятски» (ПМА 1978, Носова М. Н., 1890 г. р., тунгуска, род. с. Бургень, с 1930 г. с. Нарын-Талача).

На территории бывшей Кужертаевской управы память об этом названии сохранилась до 1970–1980-х годов. На рубеже XIX–XX вв. оно относилось к целому ряду обособленных друг от друга групп забайкальского населения. По сообщениям информантов, «...в районе горячих вод около Былыры (Кыренского района) есть падь Бырца, где впервые обосновались хамниганы. В Кужертае, Тарбагатае, Узоне хамниганы говорят на другом языке, чем те, которые живут в Бырце. В Селенгинском районе живут хамниганы-сонголы; под Нерчинском — талачинские хамниганы. У них другое наречие, чем у олонских хамниганов» (ПМА 1979, Бамбаранов Дашибал, 1889 г. р., бурят, с. Зуткулей); «Хамниганы жили по Онону (Акшинский, Кыренский районы), язык тех хамниган гораздо ближе к монгольскому, чем у токчинцев» (ПМА 1979, Бадмаев Гамбожап, 1913 г. р., бурят, с. Токчин); «Джидинские сонголы — тоже хамниганы: они и сами себя так зовут, и буряты их так называют. Язык у них, как и у здешних олонских хамниганов, схож с монгольским» (ПМА 1979, Цыденов Доржа, 1901 г. р., бурят, с. Чиндалей); «Нерчинско-шилкинские хамниганы, говорят, из тунгусов, непосредственно из ведомства Гантимурова. Недавно (в 1960-х годах) они прикочевали в Могойтуйский район Агинского Бурятского автономного округа (сс. Зугалай, Хара-Шибирь). По Онону от Алтана до Гуinea жили олон-кыренские хамниганы. Они отличались от бурят даже по характеру — очень вспыльчивые, активные, восприимчивые, похожи на монголов» (ПМА 1979, Дашицыренов Тобо, 1923 г. р., бурят, с. Чиндалей).

Говоры всех этих групп обнаруживали сходство с монгольским языком, а сами группы считались монгольскими по происхождению.

Иным было значение данного названия в исторических преданиях как самих хамниган (олонской группы), так и их соседей-бурят. В фольклорной традиции о хамниганах сохранилось представление как о едином народе 15 родов, коренных, местных жителей, расселявшихся некогда вдоль всего Онона до Нерчинска. В историографии существует мнение относительно тождества хамниган бурятских преданий с забайкальскими эвенками, хотя эта версия нуждается в дополнительной разработке (Туголуков 1975).

Одно из объяснений возникновения, распространения и дальнейшего употребления этнонима «хамниган» еще в 1960-е годы было предложено венгерской исследовательницей К. Урай-Кёхальми. По ее версии, «...все роды и племена, которые относились к хамниганскому союзу, независимо от своего происхождения и официально, и в обиходе причислялись к тунгусам. Это называлось *Qamniyan* и означало члена забайкальского племени пограничников, находящихся под командованием тунгусов, или “забайкальский тунгус”. Большая часть забайкальских эвенков, а также эвенков, контактировавших с монголами и хоринскими бурятами, язык которых лег в основу бурятского литературного языка, относилась к хамниганскому союзу. В связи с этим становится понятным, что это слово в дальнейшем стало употребляться для названия других эвенков со значением “эвенки вообще”» (Урай-Кёхальми 1964: 163).

Таким образом, на языке и функционировании системы этнонимов и на представлениях об этнической принадлежности нерчинских тунгусов, входивших в XIX — начале XX в. в состав Урульгинской степной думы, а еще ранее, в XVII–XVIII вв., в хамниганский союз, отразились протекавшие в регионе сложные этнические процессы. На основании приведенных материалов можно предположить, что для времени образования и окончательного складывания родового хамниганского союза (первая треть XVII — первая треть XVIII в.) наибольшей интенсивностью отличались монголо-эвенкийские контакты, имевшие характер языковых и культурных взаимовлияний. Однако полной консолидации монгольских и эвенкийских родов, вошедших в хамниганский союз, не произошло, и на протяжении всего существования он оставался конгломератом неоднородных по этнической принадлежности групп, каждая из которых в дальнейшем развивалась самостоятельно, сохранив, однако, в виде этнонима обозначение прежней к нему принадлежности.

Этническое развитие отдельных территориальных групп нерчинских тунгусов, вероятно, уже с середины XVIII в. определялось в зависимости от преобладания контактов со сформировавшимся в крае русским и бурятским населением. Можно отметить при этом, что эвенкийская часть нерчинских тунгусов была ассимилирована в основном русскими, причем этот процесс завершился к 1980-м годам, хотя еще в начале XX в. С. К. Патканов писал по поводу данных Первой все-русской переписи о 26 тысячах забайкальских тунгусов: «Принадлежность к тунгусскому племени зиждется у них (у населения Урульгинской степной думы. — Т. У.) лишь на различии в сословиях. Достаточно уничтожить условное деление жителей Сибири на сословные группы, и вся масса обруселых инородцев, в нашем случае половина всего тунгусского народа, даже по имени станет русской» (Патканов 1906: 80). Этот вывод нашел полное подтверждение в материалах переписи 1926 г., отразившей «внезапное исчезновение» тунгусов в Забайкалье.

Выразительно подвел итоги смены этнонимов и идентичности в регионе к середине XX в. один из местных жителей преклонного возраста: «Нас дразнили инородцами соседи-казаки, потому что мы карымоваты. Но мы — русские. Родились инородцами, а состарились русскими» (ПМА 1979). Бурятизация монголоязычного населения Урульгинской степной думы, видимо, продолжалась до конца XX столетия. Представления о монгольском происхождении этой части урульгинцев сохранялись у бурят Агинского национального округа еще на рубеже XX–XXI вв.

НЕРЧИНСКИЕ ХАМНИГАНЫ В ЭВЕНКИЙСКОМ АВТОНОМНОМ РАЙОНЕ КНР

Новейшие данные по хамниганам, включая полевые материалы, собранные в 1990-х — начале 2000-х годов на территории проживания их потомков в Китае, позволили финскому лингвисту Ю. Янхунену предложить детальную и, как представляется, на сегодняшний день наиболее убедительную этнолингвистическую версию исторического развития этой группы. В исследовании, посвященном языкам Маньчжурии в современном Китае, автор относит хамниганский язык к особой группе монгольских языков, для которых характерны крайне архаичные черты. По мнению исследователя, ареал его формирования расположен в верховьях Амура, в бассейнах рек Онон, Борзя, Аргунь. После установления российско-китайской границы по Нерчинскому договору (1689 г.) хамниганы оказались на территории современных России и Монголии. По оценке Ю. Янхунена, общая численность потомков хамниган к концу XX в. едва ли достигает 5 тыс. человек (Janhunen 1997: 129).

На территории Северной Монголии язык хамниган поглощен халхаским диалектом монгольского языка, хотя у представителей старшего поколения еще прослеживаются особенности речи, связанные с хамниганским происхождением.

В России, на территории Восточного Забайкалья, где хамниганы длительное время проживали среди численно преобладавших русских и бурят, выявлено два диалекта их языка — урульгинский и маньковский. К началу 1990-х годов ими владели лишь отдельные представители старших возрастных групп. К этому времени потомки хамниган в России практически утратили язык, перейдя на русский или бурятский.

Только на территории Китая, как установил в результате полевых исследований Ю. Янхунен, язык хамниган сохраняется у потомков эмигрантов, переселившихся сюда из России в 1918–1932 гг. Среди маньчжурских хамниган в 1990-х годах сохранялась фамилия Сухановы, связанная с исторической Сухановой слободой Урульгинской степной думы, названной в честь протоиерея Кирилла Суханова. Вместе с тем представители семьи Сухановых помнят и о своей родовой принадлежности к роду Дулигат (Namnaagid-Duligaad) (Janhunen 1991: 9). Петр Семенович Суханов в конце XX в. оставался единственным хранителем и исполнителем устного фольклора хамниган. Единственный в Китае хамниган-филолог с университетским образованием Николай Петрович Викулов является знатоком разнообразных локальных языков и диалектов хамниган.

Две группы хамниган проживают на территории Эвенкийского автономного района Китая. Самая большая из этих групп насчитывает около 1500 человек. Среди них широко распространен хамниганский монгольский — хамниганский эвенкийский билингвизм. Официально население относится к эвенкийскому национальному меньшинству. Языком межнационального общения служит монгольский и постепенно исчезающий русский язык. Язык маньчжурских хамниган-эвенков подразделяется на два диалекта. С социолингвистической точки зрения важно подчеркнуть, что сами хамниганы различают эти диалекты. Четко различающиеся диалекты вместе с тем совершенно взаимопонимаемы не только среди хамниган, но и среди других эвенкоговорящих групп населения Маньчжурии.

Сохранение диалектов одного из двух родных языков крошечной этнической группы могло бы показаться удивительным, если не учитывать особенности бытования этих языков. Эвенкийский язык маньчжурских хамниган — исключительно язык внутрисемейного общения. Для общения вне семьи используется монгольский хамниганский или иностранный язык. Монгольский хамниганский, напротив, характеризуется гомогенностью, отсутствием каких-либо значительных различий (Janhunen 1991: 9).

Для молодежи выбор того или иного диалекта эвенкийского хамниганского связан исключительно с традициями семьи. Старшее поколение связывает различия диалектов с географическим местом их происхождения. Носители одного из диалектов — выходцы из бассейна р. Верхняя Борзя, другого — из бассейна р. Урулюнгуй. Как обращает внимание автор, обе эти небольшие речки являются притоками р. Аргунь и их устья отстоят друг от друга едва ли на 20 км.

Для реконструкции этнической истории Забайкалья, как подчеркивает Ю. Янхунен, важное значение имеет разграничение не просто на монголов и эвенков, а на множества групп одних и других. Учитывая, что этническая история — это не просто история родов и их миграций, но, что гораздо важнее, история языковых коммуникаций, автор выделил несколько этапов развития этнической истории хамниган.

На первой стадии произошло отделение северо-восточной группы носителей монгольского языка от основного монгольского массива. Крайне архаичный язык этой группы и составил основу хамниганского монгольского языка. Развиваясь в относительной изоляции, он не получил тех инноваций, которые характерны, например, для халха или бурятского языков. Хамниганский монгольский язык развивался во взаимодействии с языком северных соседей, носителей северо-тунгусских языков эвенкийского типа (Janhunen 1991: 17).

На втором этапе происходила диалектная дифференциация обоих языков, связанная с географической диффузией их носителей. В то время эвенкийский язык получил широкое распространение в Сибири и Маньчжурии, приобретя разнообразные региональные формы. Хамниганы-монголы оставались в Забайкалье, где у них и сформировались два диалекта. Эти диалекты взаимодействовали с двумя забайкальскими диалектами эвенков, вероятных предков более поздних маньчжурских и урульгинских «тунгусов». Каждый из четырех диалектов испытывал влияние монгольских языков, причем монгольские инновации в каждом случае имели различное происхождение.

На третьем этапе получил широкое распространение билингвизм на основе диалектов монгольского и эвенкийского хамниганских языков. Образовавшееся смешанное население и составило основу хамниганского этноса. Лингвистически это были хамниганы — монголы и эвенки, а с точки зрения историко-культурной принадлежности они относились к сообществу «конных тунгусов». По мнению автора, собственно эвенкоязычные (монолингвы) «конные тунгусы» не входили в состав хамниган.

На четвертом этапе под воздействием внешних сил, прежде всего колониальной политики Китая и России, часть хамниганского этноса была рассеяна и переселилась из Забайкалья, с территории своего формирования, в соседние регионы Монголии и Маньчжурии. В новых условиях билингвизм хамниган существенно изменился. Оба диалекта эвенкийского хамниганского сохранились, а монгольский хамниганский сохранился только в варианте урульгинского типа.

Сохранение в Маньчжурии обоих диалектов эвенкийского хамниганского языка тем более удивительно, что в Забайкалье он начал исчезать уже к концу XVIII в. (по данным Палласа). Показательно, что в начале XX в. Патканов зарегистрировал наибольшие показатели численности эвенкоязычного населения именно в тех группах «тунгусов», которые, наиболее вероятно, и стали предками современных маньчжурских хамниган-эвенков (Патканов 1912: 564–571). На территории России эвенкийский хамниганский, а также диалекты, на которых когда-либо говорили хамниганы-монголы, исчезли, как считает Ю. Янхунен, основываясь на данных литературы, к началу 1970-х годов (Janhunen 1991: 19).

Выяснить, на каком языке и диалекте говорил каждый из родов хамниган до распространения билингвизма, на основании доступных сегодня данных едва ли возможно. Для реконструкции этой сложной картины большой интерес представляют диалектологические характеристики и анализ хамниганских эвенкийского и монгольского языков.

Современные маньчжурские хамниганы, как установлено исследованиями Ю. Янхунена, продолжают сохранять билингвизм в такой форме, когда ни один из языков — эвенкийский или монгольский — не может претендовать на роль единственного родного языка. Хамниганы, таким образом, дают типичный пример того, что может быть названо этническим билингвизмом. При этом примерно треть хамниган в Китае монолингвы, и это хамниганы-монголы. Хамниган, говорящих только по-эвенкийски, автор не обнаружил. Выявленная асимметрия образцов билингвизма позволяет предположить, что именно монгольский язык был доминирующим в языковой общности хамниган, а эвенкийский играл роль второго этнического языка. Вместе с тем удивительно устойчивое сохранение практики билингвизма едва ли может иметь иное объяснение, помимо восприятия его как части этнической идентичности хамниган (Janhunen 2005: 16).

Интересный сравнительный материал по современной государственной политике модернизации кочевых охотников-оленоводов в Китае приводит И. О. Пешков (2014). Правда, его данные касаются только одной общины выходцев из Якутии, среди которых автор провел неделю, а их численность не превышает 200 человек. Тем не менее для них было построено специальное поселение или, как называет его автор, город Алагуи.

Выводя сообщество из леса, государство привязывает его будущее к обслуживанию ожидаемого туристического потока. В символической перспективе главным продуктом сообщества будет адаптированная до потребностей туристов экзотика изобретенного прошлого... Город организован как большой музей, в котором жители воспринимаются как экспонаты, символизирующие образ жизни лесных эвенков, навсегда потерянный благодаря возникновению этого места памяти. Центральное здание представляет огромный музей, показывающий историю сообщества и включающий Китай в число стран с субарктическими культурами. Это абсолютно искусственная фабрика аутентичности, создающая коммерчески ориентированные образы прошлого и закрытого леса (Пешков 2014: 206).

Аутентичность воспринимается в этом контексте как соответствие музейному образцу и достойное отражение исторического опыта сообщества. Театрализация ежедневной жизни гармонично сочетается с фактическим превращением леса в национальный парк. «В случае Алагуи мы наблюдаем политику нациестроительства, когда сообщество практически теряет возможность не только контролировать свою судьбу, но и свой образ. В этом случае государство становится единственным арбитром правильных версий прошлого и стандартов культурной аутентичности. Мы видим, как практики создания истории, сохранения экологии и модернизации приводят к выключению людей из леса и превращают их в товар на рынке этнотуризма» (Пешков 2014: 208–209). Попытки включения кочевников-оленоводов в рыночный этнотуризм, хотя и без прямого государственного принуждения, выявлены и в Монголии среди цаатанов, тюркоязычной в прошлом, а теперь перешедшей на монгольский язык малочисленной группы, родственной тувинцам-тоджинцам.

Судьба малой группы свидетельствует об устойчивости сохранения ее этнокультурных характеристик в различных исторических условиях и этническом окружении, а также о нелинейном

характере протекания процессов аккультурации и ассимиляции малочисленных этнических образований. Для монгольязычного и тюркоязычного автохтонного населения региона российско-китайского трансграничья, судя по распространяющемуся дискурсу, все больший интерес представляет историческая память об Империи Чингизидов, когда император-монгол на китайском троне включил в состав своего государства, простиравшегося от океана до океана, и «Русский улус». Во всяком случае эту точку зрения пытаются представить как убедительную историческую версию в Восточном Забайкалье, на исторической родине Чингиз-хана, где в междуречье Онона и Керулена, по преданию, он и был похоронен.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ГАЧО — Государственный архив Читинской области
РГИА — Российский государственный исторический архив

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

- ПМА 1976, 1978, 1979 — полевые материалы автора, собранные в экспедициях в Забайкалье в 1976, 1978 и 1979 гг.
- Сведения о выборе сугланного места. Материалы по земельным спорам между русскими и эвенками. 1751–1779 // ГАЧО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.
- Бураева О. В. Хозяйственные и этнокультурные связи русских, бурят и эвенков в XVII — середине XIX в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000.
- Бураева О. В. Межэтническая миксация в Байкальском регионе XVIII–XIX вв. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2016. Т. 17. С. 59–67.
- Жамсаранова Р. Г. Тунгусы князя Гантимура. Чита: Забайкальский гос. университет, 2018.
- Патканов С. К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников: в 2 ч. СПб.: Слово, 1906. Ч. 2.
- Патканов С. К. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев (на основании данных специальной разработки материала переписи 1897 г.). Записки Императорского Русского географического общества: в 3 т. СПб.: тип. Императорской Академии наук, 1912. Т. 3.
- Пешков И. О. Право быть «символом леса» вместо «права на лес»: границы юридической дееспособности «традиционных сообществ» на примере опыта седентаризации эвенков-оленьеводов Внутренней Монголии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. № 5. С. 192–212.
- Соломин А. В. Князья Гантимуровы. М.: Старая Басманная, 2013.
- Туголуков В. А. Конные тунгусы (этническая история и этногенез) // Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975. С. 78–110.
- Уварова Т. Б. Нерчинские эвенки в XVIII–XX вв. М.: ИНИОН РАН, 2005.
- Урай-Кёхальми К. Еще раз к вопросу о происхождении хамниган // Краткие сообщения Института народов Азии. Т. 83. М.: Изд-во Восточной литературы, 1964. С. 156–168.
- Широкогоров С. М. Социальная организация северных тунгусов (с вводными главами о географии расселения и истории этих групп) / пер. с англ.; Ин-т Этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН; МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. М.: Наука — Восточная литература, 2017.
- Janhunen J. Material on Manchurian Khamnigan Evenki. Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1991.
- Janhunen J. The Languages of Manchuria in Today's China // Northern Minority Languages: Problems of Survival. Osaka (Japan): National Museum of Ethnology, 1997. P. 123–146. (Senri Ethnological Studies 44).
- Janhunen J. Khamnigan Mongol. Munich: LINCOM EUROPA, 2005.

REFERENCES

Buraeva O. V. *Khoziaistvennye i etnokul'turnye svyazi russkikh, buriat i evenkov v XVII — seredine XIX veka* [Economic and Ethno-Cultural Relations of Russians, Buryats and Evenks in the 17th — the Middle of the 20th Centuries]. Ulan-Ude: Izdatel'stvo BNTS SO RAN, 2000. (In Russian)

Buraeva O. V. Mezhetnicheskaia miksatsiia v Baikal'skom regione XVIII–XIX veke [Interethnic Mixing in the Baikal Region of the 18th–19th Centuries]. *Izvestiia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Series Istorii*, 2016, vol. 17, pp. 59–67. (In Russian)

Janhunen J. *Material on Manchurian Khamnigan Evenki*. Helsinki: Finno-Ugrian Society, 1991.

Janhunen J. The Languages of Manchuria in Today's China. *Northern Minority Languages: Problems of Survival*. Osaka (Japan): National Museum of Ethnology, 1997, pp. 123–146. (Senri Ethnological Studies 44).

Janhunen J. *Khamnigan Mongol*. Munich: LINCOM EUROPA, 2005.

Peshkov I. O. Pravo byt' "simvolom lesa" vmesto "prava na les": Granitsy iuridicheskoi deesposobnosti "traditsionnykh soobshchestv" na primere opyta sedentarizatsii evenkov-olenevodov Vnutrennei Mongolii [The Right to be a "Symbol of the Forest" Instead of the "Right to the Forest": The Boundaries of the Legal Capacity of "Traditional Communities" on the Example of the Experience of Sedentarization of Evenki Reindeer Herders in Inner Mongolia]. *Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii*, 2014, no. 5, pp. 192–212. (In Russian)

Shirokogoroff S. M. *Sotsial'naia organizatsiia severnykh tungusov (s vvodnymi glavamy o geografii rasseleniia i istorii etikh grupp)* [Social Organization of the Northern Tungus (With Introductory Chapters Concerning Geographical Distribution and History of These Groups)]. Moscow: Nauka — Izdatel'stvo Vostochnoi literatury, 2017. (In Russian)

Solomin A. V. *Kniaz'ia Gantimurovy* [Princes Gantimurovy]. Moscow: Staraia Basmannaia, 2013. (In Russian)

Tugolukov V. A. Konnye tungusy (Etnicheskaia istoriia i etnogenez) [Horse Riding Tungus (Ethnic History and Ethnogenesis)]. *Etnogenez i etnicheskaia istoriia narodov Severa* [Ethnogenesis and Ethnic History of the Peoples of the North]. Moscow: Nauka, 1975, pp. 78–110. (In Russian)

Urai-Kekhal'mi K. Eshche raz k voprosu o proiskhozhdenii khamnigan [Once Again to the Question of the Origin of the Hamnigan]. *Kratkie soobshcheniia Instituta narodov Azii*. [Brief Messages of the Asian Peoples' Institute]. Moscow

Uvarova T. B. *Nerchinskie evenki v XVIII–XX vekakh* [Nerchinsk Evenkis in the 18th – 20th Centuries]. Moscow: INION RAN, 2005. (In Russian)

Zhamsaranova R. G. *Tungusy kniazia Gantimura* [Tungus of Prince Gantimur]. Chita: Zabaikal'skii Gosudarstvennyi universitet, 2018. (In Russian)

Submitted: 31.12.2021

Accepted: 24.03.2022

Published: 10.07.2022